

Наверное, некоторые мои размышления и выводы покажутся иным читателям спорными. Что ж - как говорил в своё время Горбачёв, "никто не владеет монополией на истину". Буду только рад, если кто-то выразит аргументированное несогласие со мной, ибо убеждён, что это поможет всем нам приблизиться к более полному пониманию одного из непростых вопросов нашей сложной, многогранной и противоречивой жизни.

1.

Начну с воспоминаний, непосредственно связанных со мной лично. В 1984 году, когда мне было 12 лет и обо мне узнали в московских музыкальных кругах, директор Московской Средней Специальной Музыкальной Школы имени Гнесиных (или, как проще говорят, Гнесинской десятилетки), где я тогда учился, Зиновий Исаакович Финкельштейн решил, что хорошо было бы "показать" меня Тихону Николаевичу Хренникову. Договорились о встрече - и 1 мая того же года мы с моей учительницей Анной Павловной Кантор пришли к Хренникову домой. Хозяин очень тепло и радушно встретил нас и провёл в свой кабинет, где уже находилось много народу: супруга Тихона Николаевича Клара Арнольдовна, дочь Наталья с мужем, Зиновий Исаакович, композиторы Лев Солин и Александр Чайковский со своей тогдашней супругой Ириной Виноградовой и другие.

Играл я тогда Тихону Николаевичу и всем присутствовавшим много: и "чужие" сочинения, и свои собственные (в детстве я много писал музыку). Помню, когда в нашей семье зашёл разговор о перспективе встречи с Хренниковым, мой папа сказал: "Ну, это - или пан, или пропал!". Я это "осознал", подготовился как следует и играл хорошо. Тихон Николаевич был очень доволен (помню его слова: "Я готов слушать до утра!") и пригласил меня принять участие в организовываемом им 2-м Международном фестивале современной музыки, который должен был состояться в Москве всего несколькими неделями позже. 23 мая мы с Вадиком Репиным (которого Хренников в то время активно "протезировал") сыграли в рамках этого фестиваля сольный концерт в Малом Зале Московской консерватории: я - первое отделение, Вадик - второе.

Принял участие в фестивале в качестве солиста и сам Тихон Николаевич, сыграв в Большом Зале консерватории свой 3-й фортепианный концерт. Когда после того концерта я пришёл к Хренникову в артистическую, он подарил мне книгу Григорьева и Платека о себе "Его выбрало время", сделав на титульном листе

дарственную надпись: "Женечке Кисину с восхищением. Тихон Хренников". Помню, читал я тогда эту книгу с интересом и, в частности, обратил внимание на рассказ о том, как в начале 1950 годов по "субъективным причинам в условиях культа личности" критиковали оперу Хренникова "Фрол Скобеев" за её "дореволюционный" сюжет, писали: "Не лучше ль, Тихон Хренников, заметить современников?" - и вскоре после премьеры перестали исполнять.

О "культе личности и его последствиях" я в то время кое-что уже знал - от моего незабвенного учителя истории, ныне зампреда Московского антифашистского центра, Виктора Юрьевича Дашевского. В те "замечательные" времена, когда в школьных учебниках истории всего лишь несколько строк были посвящены "культу" и ни единого слова не говорилось о сталинском терроре и миллионах его жертв, Виктор Юрьевич всем своим ученикам обстоятельно и недвусмысленно объяснял, что "Сталин был плохой". Поэтому вышеупомянутый фрагмент из книги о Хренникове меня не удивил - но, конечно, тогда мне и в голову не могло прийти, что всего через 4 года кое-кто будет пытаться в нашей прессе представить Тихона Николаевича как чуть ли не одного из сталинских палачей и немало людей этому поверят.

Однако вернёмся к нашей первой встрече с Хренниковым. Тогда, 1 мая 1984 года, Тихон Николаевич спросил у Анны Павловны, почему я такой бледный. Анна Павловна объяснила, что я очень утомляюсь, потому что живу в часе езды от школы. Тихон Николаевич тут же записал для себя: "Приблизить, " - и в июне следующего года благодаря его хлопотам мы получили ордер на новую квартиру, всего в полчаса езды от гнесинской десятилетки (квартира эта принадлежит нам и по сей день). Переезжая туда, мои родители были вынуждены продать наш старый салонный "Бехштейн", так как он не влезал в лифт, а поднять его по узкой лестнице на 14-й (а фактически на 17-й) этаж, где расположена наша квартира, разумеется, было невозможно. Таким образом, я остался практически без инструмента, так как пианино мне тогда уже никак не подходило, - и, опять-таки, благодаря Тихону Николаевичу Музфонд стал давать мне рояли напрокат (причём бесплатно). До самого своего отъезда из России в конце 1991 года я занимался на музфондовской "Эстони" (в начале 1987-го Владимир Теодорович Спиваков подарил мне "Стейнвей", который купил у уезжавшего тогда за границу Бориса Бехтерева, но, к сожалению, заниматься на нём я не мог, так как был он очень старенький и хрупкий, а я к тому же в те годы, как часто бывает у молодых пианистов мужского пола в переходном возрасте, любил "поколачивать" на рояле и постоянно рвал струны; "стейнвейевских" же струн в Советском Союзе, понятное дело, достать не было никакой возможности, - во всяком случае, для нашей семьи - так что приходилось спиваковский подарок беречь).

Тогда же, во время первой нашей встречи, Тихон Николаевич

посчитал, что "бледному Женечке Кисину" необходимо не только не тратить часы в троллейбусах и метро на поездки в школу, но и отдыхать в хороших условиях, - и с тех пор благодаря ему, хотя я не был членом Союза композиторов и пребывал ещё в подростковом возрасте, каждое лето и каждую зиму до самого нашего отъезда из страны мы проводили каникулы/отпуск в "Домах творчества композиторов" (в основном, в "Рузе"). Ах, что это было за время! что за атмосфера! что за общения в этих незабвенных "Домах творчества"! Как бы мне хотелось снова провести отпуск в той же "Рузе"! - да, говорят, там сейчас как минимум половина отдыхающих - мафиози. А ведь в рузских дачках железных дверей с множеством замков нет.

Вот такой это был человек. Вот так он - в отличие от подавляющего большинства других людей во все времена! - "использовал своё служебное положение". Впоследствии я узнал, - и до сих пор продолжаю узнавать! - что был всего лишь одним из очень-очень многих, кому Тихон Николаевич помог, - об этом речь впереди. Больше того - опять же, в отличие от многих других, сам он отнюдь не склонен был распространяться (тем паче публично) о своих многочисленных добрых делах. Я рад, что успел рассказать об этом в одном из своих интервью, когда Тихон Николаевич был ещё жив.

В последующие годы мы немало общались. Летом 1986 года я выучил хренниковский 2-й концерт и потом играл его в разных городах и странах. Вместе с Тихоном Николаевичем, Вадиком Репиным и Максимом Венгеровым мы давали на Шлезвиг-Гольштейнском фестивале (Германия), в Одессе и Москве "хренниковские творческие вечера": сначала Максим исполнял 2-й скрипичный концерт, потом сам Тихон Николаевич - 3-й фортепианный, затем - после антракта - я играл 2-й фортепианный концерт, и Вадик заканчивал программу 1-м скрипичным. Весёлые это были поездки!

Каждый год мы с Анной Павловной и моей мамой (разумеется, если были в это время в Москве) навещали Тихона Николаевича на День Рождения. Что сказать - дом Хренниковых был одним из самых гостеприимных домов, в каких мне довелось побывать за всю жизнь (а я бывал во многих - в разных странах, на разных континентах). В те дни огромная квартира Тихона Николаевича всегда была полна народу: приходили многочисленные друзья, коллеги, ученики. И неизменно - атмосфера безмерного тепла, радушия, добра и любви. Помню, как отмечалось 76-летие Тихона Николаевича, - "по свежим следам" 1-го съезда народных депутатов СССР (1989-й год), одним из которых был именинник. Мы сидели за праздничным столом, и зять Хренникова Игорь (увы, не помню его отчества; надеюсь, он меня простит) начал комментировать поведение своего тестя на съезде. "Ну, бóльшую часть времени Тихон Николаевич спал", - заявил Игорь под общий смех, - "Он не поддерживал экстремистов типа Оболенского, но встал после выступления Попова и, в общем, примыкал к левому крылу!" (напомню: в то время "левыми" называли тех, кого сейчас считают "правыми", - то есть, демократов). После этого Игорь спросил

меня, что я думаю о съезде, и я сказал, как меня взбесило выступление генерала Родионова (который за несколько недель до съезда, 9 апреля, руководил резнёй участников мирной демонстрации за независимость Грузии в Тбилиси) и последовавшие за ним бурные аплодисменты депутатов-реакционеров. Игорь согласился со мной и рассказал о своей встрече где-то за рубежом с каким-то белоэмигрантом, которому он рассказывал о происходящих в Советском Союзе переменах и который задал тогда Игорю вопрос: "Но Великая Россия-то сохранится?!" - или что-то в этом духе. И сказал мне в тот вечер Игорь, что, конечно же, неправильно это; что величие России - не в "имперскости", не в угнетении других народов; что на эти вопросы надо смотреть так, как смотрел на них Лев Толстой. Сколько времени с тех пор минуло? двадцать с лишним лет уже? Да, в те далёкие годы моей юности я верил - хотел верить! - в прогресс, в то, что в России восторжествует разум.

Самое памятное празднование Дня Рождения Хренникова было для меня в 1988 году - по, я бы сказал, "субъективным причинам в условиях РАЗОБЛАЧЕНИЯ культа личности", о которых следует подробно вспомнить особо.

2.

Тогда, в 88-м, шли полным ходом "перестройка, гласность и демократизация"; то, о чём нам раньше вне школьной программы рассказывал Виктор Юрьевич, всё больше и больше становилось всеобщим достоянием: "Огонёк", "Московские новости", "Аргументы и факты", "Дружба народов", "Знамя", "Юность", "Новый мир" и другие прогрессивные газеты и журналы постоянно публиковали статьи и художественные произведения о сталинских преступлениях - и вот в мае месяце того памятного года в газете "Советская культура" появилась статья Веры Горностаевой о постановлении ЦК ВКП(б) "Об опере Мурадели 'Великая дружба'", январском пленуме Союза композиторов СССР 1948 года и последовавшей за этими событиями травле Шостаковича, Прокофьева и других выдающихся советских композиторов. Главным обвиняемым в той статье (к сожалению, за давностью лет не помню её названия) был, однако же, не Сталин и даже не Жданов, проводивший по приказу Сталина всю эту гнусную кампанию (о чём свидетельствуют не только многочисленные воспоминания непосредственных участников и жертв тех событий, но и дневники самого Жданова), а не кто иной, как Тихон Николаевич Хренников. В статье обильно цитировались фрагменты из доклада Хренникова на пленуме, и всё было представлено таким образом, как будто именно Тихон Николаевич был главным травителем Шостаковича и Прокофьева (а после того, как их "реабилитировали", он, оставаясь главой Союза композиторов, постоянно произносил речи "поражающие тупым однообразием чиновничьего языка", - здесь и далее цитирую по памяти).

Несколько дней спустя та же газета опубликовала интервью,

которое Хренников и Карен Хачатурян дали иностранным корреспондентам по поводу статьи Горностаевой. Тихон Николаевич выразил свою обиду и возмущение этой статьёй; рассказал о том, что не сам он писал тот доклад, а ему велело зачитать его на пленуме высшее начальство, зато впоследствии, после смерти Сталина, именно он добился пересмотра того пресловутого постановления ЦК; заявил, что в годы, когда он возглавлял Союз композиторов, ни один из членов этого Союза не был репрессирован; наконец, сказал, что обвинять его в сталинизме - это абсурд, ибо его собственные отец и двое братьев были репрессированы в сталинское лихолетье. К этим словам Хренникова газета сразу же дала свой комментарий, что "докладчик - не диктор, он обычно отвечает за свой доклад", и потому "обижаться на правду не следует". Ещё через некоторое время в "Советской культуре" были опубликованы письмо ведущих советских композиторов в защиту Хренникова и ряд откликов "простых читателей", несколько отрывков из которых я процитирую и прокомментирую ниже.

Реакция на все это со стороны подавляющего большинства людей моего круга, прогрессивно настроенных музыкантов, была отрицательной. Помню письмо, которое я получил тогда от одного моего приятеля-музыканта: "Статья, на мой взгляд, перехлёстывает за край. Явно перехлёстывает. При всём моём уважении к Горностаевой, я никак не могу с ней согласиться <...> Что же, Хренников все эти годы только и делал, что произносил "чиновничьи речи"? Бессмысленно, конечно, утверждать, что он не знает конъюнктуры, не пробивает себе всюду дорогу, что его музыка гениальна и что он вообще "ангел чистой воды". Но он сделал очень много хорошего, сумел организовать творческую атмосферу в Союзе композиторов, помог многим музыкантам (хотя некоторым и не помог). Кроме того, если бы он тогда не зачитал тот "спущенный сверху" доклад, то его бы сняли с поста председателя Союза, а то и просто расстреляли, а на его место поставили бы какого-нибудь Н. [фамилию не называю по личным причинам - Е.К.], и тогда мы бы могли вообще остаться без Прокофьева и Шостаковича - достаточно вспомнить статью Н. о Шостаковиче, где он "изничтожает" произведения Дмитрия Дмитриевича одно за другим <...>".

И тогда, и сейчас, по прошествии многих лет, не могу не согласиться с рассуждениями моего старого приятеля. Хочу только добавить, что человек, находившийся на таком посту, как председатель Союза композиторов, в таком государстве, каким был Советский Союз, просто объективно не мог "не знать конъюнктуры" (равно как и не произносить "чиновничьих речей"; кстати, несчастный Шостакович, которого сделали главой Союза композиторов РСФСР, тоже вынужден был это делать - несколько грампластинок существует с записями шостаковичевских речей такого же рода) - но не Хренников себя на этот пост назначил. Если же человек, бескорыстно помогающий многим, "пробивает" при этом и "себе всюду дорогу", то абсолютно ничего предосудительного в последнем я не вижу. Что же

касается музыки Хренникова, не помню, чтобы кто-либо когда-либо - и в первую очередь сам Хренников! - приписывал ей "гениальность", но думаю (и в этом далеко не одинок), что некоторые его произведения в полной мере заслуживают такое определение, как "замечательные".

И ещё помню, как всё это обсуждали Анна Павловна с Захаром Нухимовичем Броном. Их реакция была совершенно идентичной, и они говорили тогда: "Он плохо ответил. Надо было сказать: какой у меня был выход? или зачитать то, что мне дали, или рисковать свободой, а может быть, и жизнью - моей и моей семьи!".

...Мне самому, к счастью, не пришлось жить при Сталине, но думаю, что я имею неплохое представление о том времени, - и читал много, и застал немало людей, в те годы живших. Даже моим родителям, родившимся в 1930-х годах, довелось испытать кое-что на собственной шкуре, а уж более старшему поколению... Однажды мой дедушка проходил по Красной площади, о чём-то вдруг задумался и остановился - и его тут же арестовали! В отделении милиции, куда доставили дедушку, позвонили на завод, где он работал, - и, к счастью, трубку взял человек, знавший его (могло обернуться хуже, так как дедушка был всего лишь простым рабочим - одним из нескольких тысяч на том предприятии). Этот человек подтвердил, что Арон Кисин действительно работает у них на заводе, и дедушку отпустили. Натан Щаранский в своей несколько лет назад написанной книге "В защиту демократии" предлагает тест на наличие/отсутствие свободы в государстве: может ли человек выйти на центральную площадь и критиковать правительство, не рискуя быть арестованным? Как известно, если свобода, подобно свежести, бывает только одна, то несвобода несвободе рознь, и я думаю, что случай, произошедший в сталинском Советском Союзе с моим дедушкой, предлагает весьма неплохой критерий для выявления степени политической несвободы: может ли человек, проходя по центральной площади, просто остановиться и задуматься - не рискуя быть арестованным?

В свете всего этого, вспоминая сейчас ту "антихренниковскую кампанию" в "Советской культуре" и реакцию Анны Павловны с Захаром Нухимовичем, я думаю: ответ Тихона Николаевича был, в принципе, абсолютно нормальным - для непредвзятых людей, для тех, кто хотел понять и объективно разобраться. Вряд ли найдётся такой дурак, который бы не понимал, что мог означать в сталинское время отказ зачитать спущенный сверху (почти с самого верха!) доклад. А вот что касается подлейшего (другого определения не подберу!) комментария "Советской культуры" - полагаю, что адекватным ответом на него был бы такой: "А ну-ка, товарищи, к ответу за все те ложь и клевету, подлости и глупости, лизоблюдство и пропаганду, которые вы постоянно публиковали - не при Сталине, нет, а в гораздо более мягкие брежневские времена! Редактор и журналист - не диктор! И чтоб никаких обид на правду!!" Раньше в газете другие люди работали? Что ж - посмотрим, кто был главным редактором "Советской культуры" в 1988 году: Альберт Андреевич Беляев, бывший

заведующий сектором литературы ЦК КПСС. Анатолий Рыбаков в своём "Романе-воспоминании" рассказывает о том, как в 1983 году Беляев вызвал его в ЦК по поводу "Детей Арбата" и заявил ему следующее: "...о Сталине мы будем публиковать художественные произведения тогда, когда из жизни уйдёт всё наше поколение <...> Мы хотим сплочения нашего советского общества, не хотим разделять его на сталинистов и антисталинистов. А Ваш роман, как я догадываюсь, антисталинский <...> Такой роман вызовет антагонизм в нашем обществе. А мы этого не хотим. Вы, по-видимому, думаете, что народ против Сталина, Вы ошибаетесь, это не так. Мы получаем письма от фронтовиков: "Я сражался за Сталинград, а где он?". Это старики ... А молодые? Вы видели в кабинах молодых шофёров портреты Сталина? Как они воспримут Ваш роман?". Вот так. А по прошествии всего пяти лет, когда времена изменились, перестал бояться разделения советского общества, быстренько забыл и о стариках-фронтовиках и о "молодых-шофёрах" - и стал травить Хренникова за якобы сталинизм сорокалетней давности, да ещё приговаривая при этом: "Обижаться на правду не следует."! В декабре 1985 года, по свидетельству Рыбакова, Беляев назвал "Детей Арбата" "антисоветским романом", а когда на следующий день Рыбаков упомянул ему об этом, ответил: "Анатолий Наумович, не будем вспоминать, кто что говорил, давайте смотреть вперёд.". Вот ведь как: про себя любимого "не будем вспоминать" даже на следующий день, а про Хренникова сорок лет спустя - ещё с каким удовольствием вспомнил и целую газетную кампанию травли развернул! В январе 1986-го на Дне Рождения Рыбакова его друзья (Окуджава, Ахмадулина, Мессерер, Дудинцев, Апт, Евтушенко и другие), обсуждая последние новости, говорили: "Альберта Беляева перевели из ЦК в газету "Советская культура", вместо реакционеров придут, возможно, более либеральные люди.". В ЦК таковые действительно пришли - а сам реакционер наш на новой должности быстренько перекрасился в перестройщика-антисталиниста и ... В общем, по-моему, комментарии излишни - особенно в связи с тем, что "обижаться на правду не следует".

Теперь, как обещал, процитирую и прокомментирую в меру своего разумения некоторые высказывания из писем "рядовых читателей" по поводу статьи Горностаевой и интервью Хренникова. Один музыкант из провинции (к сожалению, не могу вспомнить его фамилии) прислал в газету письмо, в котором мне понравилось далеко не всё: конечно же, мне никак не могли прийти по душе такие определения и сентенции, как "злопыхатели", "решили, что в период гласности всё можно" и т. п.; но не могу не согласиться со следующими словами автора этого письма: "Почему Вы, уважаемая Вера Васильевна, с такой яростью набросились на Хренникова? Тогда давайте предъявим счёт Дмитрию Дмитриевичу Шостаковичу за его "Песнь о лесах" - ведь он воспел в ней деяния Сталина. Тогда давайте потревожим прах Арама Ильича Хачатуряна - ведь он написал "Оду о Сталине". Считаю нужным добавить: и Булгакову давайте предъявим счёт за "Батум", и Мандельштаму - за его два просталинских стихотворения, написанных после знаменитого антисталинского "Мы

живём, под собою не чуя страны...!" Кстати: в отличие от всех вышеперечисленных людей, Хренников, насколько мне известно, никогда никаких од Сталину не писал...

И ещё из письма одного прогрессивного читателя: "Хренников с гордостью заявляет, что ни один из композиторов не был арестован "в то тяжёлое время репрессий". Но ведь этого не произошло не потому, что Союз композиторов возглавлял такой борец за права человека, как Тихон Хренников, а просто потому, что Сталин недооценивал роль музыки: только поэтому Шостаковича не постигла судьба Мандельштама...". Вспоминаешь сейчас - и поражаешься: ну, как же можно с такой уверенностью, с такой безапелляционностью судить о том, чего не знаешь, на основании всего лишь одной прочитанной статьи! К сведению всех, кто думает так, как тот читатель: очень, очень многие музыканты были репрессированы при Сталине! И Генрих Нейгауз, и Николай Жиляев, и Болеслав Пшибышевский, и Виктор Дельсон, и Лидия Русланова, и Олег Лундстрем, и многие, многие другие. А вот что касается членов возглавляемого Хренниковым Союза композиторов ... По правде говоря, Тихон Николаевич в том интервью ошибся: двое членов Союза композиторов были-таки арестованы в начале 1950 годов - Александр Веприк и Моисей Вайнберг. Обоим был инкриминирован "еврейский национализм". Был ли в том виновен Хренников? Думаю, что для получения ответа на этот вопрос необходимо выслушать непосредственных свидетелей тех событий. Вот, что я узнал в своё время от некоторых из них.

Как я уже писал, благодаря Хренникову в течение нескольких лет каждое лето и каждую зиму наша семья отдыхала в Домах творчества композиторов. Со многими интересными людьми мне довелось там познакомиться и пообщаться; одним из них был Михаил Александрович Меерович - да-да, тот самый, автор музыки к "Доктору Айболиту", "Трём поросётам", "Ёжику в тумане"... Так вот, летом 1990 года (когда Тихона Николаевича уже можно было свободно ругать на чём свет стоит - и некоторые это делали), Михаил Александрович просто с благоговением говорил нам о Хренникове, как о своём спасителе, утверждая, что если бы не Тихон Николаевич, то в памятную эпоху травли "безродных космополитов" он, Меерович, погиб бы!

Таковыми же воспоминаниями о Хренникове делился с нами в то же лето в той же "Рузе" и Марк Владимирович Мильман: говорил, что у Хренникова, как и у всех людей, есть и достоинства и недостатки, но в те страшные антисемитские годы Тихон Николаевич и ему, Мильману, и многим другим композиторам-евреям помогал.

И ещё один человек - композитор более молодого поколения Рафаил Матвеевич Хозак. Мы познакомились с ним в ДТК "Иваново" летом 1986 года и много общались: гуляли с Рафаилом Матвеевичем и его женой Раисой Самойловной по ивановским тропинкам-аллейкам - и Рафаил Матвеевич занимался моим "политпросвещением". Объяснял

мне (первый человек в моей жизни), что марксизм - великое учение, но существует ещё много других великих учений, и на Западе у каждого человека есть возможность ознакомиться с ними со всеми и сделать свой собственный свободный выбор, в то время как у нас: "Учение Маркса есть объективная истина!" - и весь разговор; что на Западе существует много различных политических партий, и каждый человек, опять же, имеет возможность свободного выбора между ними, а у нас "все дружно поднимают руки, как марионетки, и объявляют: 'Принято единогласно!'," - и т. д. и т. п. Рассказывал мне Рафаил Матвеевич много историй о самых разных людях, которых и о которых знал, и в том числе такую: как в те поганые черносотенные времена в конце 1940 годов выдающегося музыканта-теоретика Лео Абрамовича Мазеля выгнали из Московской консерватории, где он преподавал, - и Хренников помог ему устроиться на работу в Гнесинский институт. "Он не гений", - подытожил Рафаил Матвеевич о Хренникове, - "но хороший человек".

Полагаю, на основании всех этих свидетельств разных людей можно быть уверенным: не мог Хренников быть виновен в арестах Веприка и Вайнберга за "еврейский национализм". Очевидно, тут у него уже просто не было возможности воспрепятствовать этому - тем более что Вайнберг, арестованный в феврале 1953 года (и выпущенный на свободу вскоре после смерти Сталина), был зятем Соломона Михоэлса, который к тому времени, в разгар "дела врачей", уже был официально объявлен "известным еврейским буржуазным националистом".

...Возвращаюсь к 12 июня 1988 года. Как я уже говорил, Хренникова на День рождения всегда навещало много людей - но в тот день, через несколько недель после всех тех статей в "Совкультуре", в громадной хренниковской квартире было буквально яблоку негде упасть! Кого только я там не увидел в тот вечер: Наталью Сац и Бориса Чайковского, Владимира Панченко и Юрия Корева, Михаила Мееровича и Евгения Малинина, Цецилию Коган и Льва Солина... И хозяин тогда растроганно сказал Анне Павловне: "Сегодня ко мне целый день с самого утра люди приходят!". И каждому из присутствовавших было очевидно: все эти люди пришли тогда к Тихону Николаевичу в знак дружбы, поддержки и солидарности в те нелёгкие для него дни.

3.

В конце 1991 года наша семья (которая к тому времени включала и Анну Павловну) переехала в Нью-Йорк. Буквально через несколько недель после нашего переезда я случайно встретил на Бродвее Соломона Моисеевича Волкова - я его тогда не знал, но он уже знал меня по записям и фотографиям, узнал, остановил и представился (потом выяснилось, что мы живём всего в нескольких минутах ходьбы друг от друга). Мы немного поговорили, я дал Соломону Моисеевичу наш тогдашний адрес - и не то на следующий

день, не то через день получил от него экземпляр первого издания записанных им воспоминаний Шостаковича с дарственной надписью. О существовании этой книги я впервые услышал ещё в середине 1980 годов - от Петра Кирилловича Кондрашина, во время отслушивания записи моего дебюта в Большом Зале Московской консерватории с двумя концертами Шопена (Пётр Кириллович был звукорежиссёром той записи). И вот, несколько лет спустя, вскоре после переезда в Америку я, наконец, прочитал эту книгу, которую, вспоминая и размышляя о Тихоне Николаевиче Хренникове, просто невозможно не только не упомянуть, но и не разобрать подробнейшим образом.

TESTIMONY

Эвгений Кисину —
Эту Ленинградскую редкость,
1-ое издание мемуаров Шостаковича —
на добрую память

от Соломона Волкова,
записавшего и издавшего эту книгу

Нью-Йорк
1992

Немало людей на Западе не верят в подлинность шостаковичевского "Свидетельства", приписывая его авторство самому Волкову, - но при этом, когда речь заходит о Хренникове, черпают материал для своих суждений именно из этой книги и с удовольствием на неё ссылаются. Я же не стану подвергать сомнению подлинность мемуаров Шостаковича и именно с этих позиций попытаюсь разобраться в том, что в них говорится о Хренникове.

Имя Тихона Николаевича в шостаковичевском "Свидетельстве"

упоминается много раз - и в самом негативном свете. Но, если прочитать всё это внимательно, то замечаешь одну любопытную деталь: за исключением всего лишь двух (!) эпизодов, Шостакович не был непосредственным свидетелем ничего из того, что он рассказывает о Хренникове! Разумеется, абсолютно нормально и естественно, когда мемуарист сообщает не только о том, что сам видел, но и об услышанном от других. Но думаю, любой здравомыслящий человек, независимо от его политической позиции вообще и отношения к Хренникову в частности, согласится с тем, что в принципе всегда следует различать непосредственные свидетельства и информацию, полученную от третьих (а то и четвёртых, и пятых, и далее) лиц. Разберём же подробно, один за другим, все "хренниковские" эпизоды из шостаковичевских воспоминаний.

Прежде всего следует обратить должное внимание на слова, которыми Шостакович предваряет своё "Свидетельство": "...Мейерхольд любил рассказывать такую историю из своих университетских лет. Вы знаете, он изучал право в Московском университете. Один профессор читал лекцию о свидетельских показаниях, как вдруг какой-то хулиган вбежал в класс и учинил беспорядок. Началась драка, позвали охранников, которые вывели хулигана. Профессор предложил студентам рассказать о том, что только что произошло. Получилось так, что все они рассказали разное. У каждого была своя версия драки и своё описание хулигана, и некоторые даже утверждали, что хулиганов было несколько. Наконец профессор признался, что весь этот инцидент был подстроен специально для того, чтобы будущие юристы знали, чего стоят свидетельства очевидцев. То были молодые люди с хорошим зрением, и их отчёты о только что происшедшем отличались один от другого. Но иногда свидетели бывают пожилыми. И описывают они то, что произошло давно. Как можно ожидать от них достоверности?" (здесь и далее обратный перевод с английского мой - Е.К.).

Какие мудрые слова для начала любых воспоминаний! Но, к величайшему сожалению, те, кто судят о Хренникове по воспоминаниям Шостаковича, очевидно, не обращают внимания на это "вступление" к ним.

Теперь перейдём к первому в книге упоминанию о Хренникове. Его сопровождает ссылка, с которой мы и начнём: "Тихон Николаевич Хренников (род. 1913), композитор, глава Союза композиторов СССР, начиная с его Первого Съезда (1948). Был назначен на этот пост Сталиным (как и руководители аналогичных союзов писателей, художников и т. д.). В сталинские годы обязанности главы [творческого союза - Е.К.] включали одобрение списков членов союза, подлежащих репрессиям. Хренников является единственным первым лидером "творческого" союза, сохранившим свой пост до сегодняшнего дня [книга опубликована в 1979 году - Е.К.]. В течение многих лет подвергал Шостаковича и Прокофьева яростным нападкам. Владелец

всех высочайших советских орденов и премий".

Малоприглядная картина вырисовывается, ничего не скажешь. Но давайте обратим внимание на третье предложение этой ссылки: как же в свете упоминаемых обязанностей глав творческих союзов следует расценивать тот факт, что никаких списков подобного рода Хренников не одобрял, что из всех членов возглавляемого им Союза композиторов были арестованы всего двое, один в 1950 году, другой в 1953 - и, как очевидно из приведенных в предыдущей главе свидетельств разных людей, эти аресты прямо противоречили тому, что делал в те годы Хренников?!

Теперь прочитаем то, что говорит сам Шостакович:

"Кто-нибудь может сказать мне: почему Вы жалуетесь на других? А Вы? Разве Вы сами не боялись? Я честно отвечу, что боялся. Страх был тогда обычным чувством у всех, и я не избежал своей доли. Тогда могут сказать: чего Вы боялись? Ведь музыкантов не трогали. Я отвечу: неправда, трогали - и ещё как. Сказку, что музыкантов не трогали, распространяют Хренников и его приспешники, и поскольку у людей искусства короткая память, они ему верят..." - и дальше Шостакович рассказывает о шестерых репрессированных музыкантах: Жиляеве, Попове, Выгодском, Пшибышевском, Гачеве и Дельсоне (не упоминая имени последнего - оно приводится в сноске).

Рассказ Шостаковича - хороший ответ тем, кто, подобно процитированному мной выше читателю "Советской культуры", полагает, что "Сталин недооценивал роль музыки". Но опять же: все упоминаемые Шостаковичем музыканты были репрессированы в 1930 годах, задолго до того, как Хренников возглавил Союз композиторов, поэтому абсолютно никакого отношения к этим преступлениям Тихон Николаевич не имел и иметь не мог.

Следующее упоминание о Хренникове:

"Сталин ненавидел союзников [во Второй мировой войне - Е.К.] и боялся их <...> И самые верные его волкодавы разделяли ненависть Сталина к союзникам. Они чуюли запах. Им ещё не разрешали нападать и впиваться в горло. Волкодавы просто рычали, но это было ясно. Хренников был одним из волкодавов, и его нос и мозги были начеку. Он знал, чего хочет Хозяин. Один московский музыковед рассказал мне такую историю: он давал лекцию о советских композиторах и походя похвалил мою 8-ю симфонию. После лекции Хренников подошёл к нему, вне себя от гнева. Он почти кричал. 'Вы знаете, кого Вы хвалили? Знаете? Как только мы избавимся от союзников, мы Вашего Шостаковича - к ногтю!'"

Прочитав сие, зададимся вопросом: мог ли так говорить Хренников во время войны, минимум за 3 года до того, как Сталин назначил его главой Союза композиторов? Когда у него не было не

только никакой власти, но даже намек на таковую?

Если я неправ, пусть читатели меня поправят, но мне кажется, что этот вопрос - самый что ни на есть риторический.

А теперь зададим себе другой вопрос: разве в "интеллигентской" (и, в частности, музыкантской) среде когда-нибудь ощущался недостаток в сплетниках, завистниках и интриганах, обожавших ссорить людей друг с другом?

Продолжение шостаковичевского рассказа о Хренникове:

"Хренников очень старался. Он ненавидел меня. Сейчас смешно об этом говорить, но было время, пока я не услышал хренниковскую оперу "В бурю", когда мой портрет стоял у Хренникова на столе. Плохая опера. Я считал Хренникова талантливым человеком, а тут было плохое подражание ужасной опере Дзержинского "Тихий Дон". Было очевидно, что Хренников спекулировал. Всё в этой опере было приспособлено к политической ситуации. Либретто было написано по роману, который очень нравился Сталину, а музыка основана на опере, которую Сталин одобрил. Это была бледная музыка, неинтересная, с примитивными гармониями и слабой оркестровкой. Было ясно, что Хренников хотел угодить отцу и учителю. Я написал Хренникову письмо об этом. Написал, что он встаёт на опасный путь. Я хотел его предостеречь. Я подробно разобрал его оперу, и письмо было длинным. Перед тем, как послать его, я показал его нескольким своим друзьям, думая, что лучше с кем-нибудь посоветоваться. Может быть, мне не следует посылать такое письмо, может быть, я напрасно вмешиваюсь. Но они все одобрили письмо, сказали, что это нужное, благотворное письмо, которое пошло им на пользу, так что подумайте, как хорошо оно было бы для Хренникова. Но Хренников не воспринял это так. Когда он прочитал моё письмо, он разорвал и растоптал его в припадке эмоций. Тогда же был растоптан мой портрет. Хренников был ужасно разгневан. Я думал, что поступаю в духе русской школы, - русские композиторы всегда советовались друг с другом и критиковали друг друга, и никто не обижался. Но Хренников не воспринял это так. Он думал, что я преграждаю ему путь к наградам и премиям и что я изо всех сил пытаюсь совратить его с пути истинного на тропки формализма. Дело было даже не в музыке, не в музыкальных идеях, так сказать. Для него главным было то, что Сталин не похвалит его за формализм, в то время как путь вниз по праведной дорожке примитивизма может дать ему возможность получить одобрение вождя и все сопутствующие блага".

Я не знаю оперы "В бурю" и потому не могу судить о ней, но и не вижу оснований не доверять суждению такого титана музыки, как Шостакович. Я вполне допускаю, что в страшные годы Большого террора, когда были репрессированы отец и двое братьев Хренникова, он действительно пошёл на музыкантский компромисс и написал оперу с целью "угодить отцу и учителю", надеясь обезопасить себя и свою

семью (так же, как Шостакович после "исторического постановления" 1948 года написал "Песнь о лесах", "Над Родиной нашей солнце сияет" и другие произведения подобного рода). Сейчас мы говорим не о музыке Хренникова, а о его "политической роли" и в частности об отношениях с Шостаковичем. Прочитав процитированный рассказ Шостаковича, я не могу не задаться вопросом: откуда к Шостаковичу попали сведения о том, что Хренников, прочитав его письмо, разорвал и растоптал его, вместе с его портретом? Кто мог быть свидетелем этого? Да, Шостакович в силу обстоятельств, когда Хренникова заставили "подвергать его яростным нападкам", поверил этому рассказу - но должны ли мы, читая шостаковичевские воспоминания, слепо считать эти сведения достоверными?

Продолжаю цитату:

"Успех 7-й и 8-й симфоний был как нож в горле для Хренникова и компании. Они считали, что я преграждаю им свет, заграбастываю себе всю славу и ничего не оставляю им. Это вылилось в грязную историю. Вождь и учитель хотел преподать мне урок, а мои братья-композиторы хотели меня уничтожить <...>

Отместка подготавливалась загодя, подготовка началась с 7-й симфонии. Они говорили, что только первая её часть эффектна, и это, объявили критики, та часть, которая изображает врага. Другие части должны были показать мощь и силу Советской Армии, но Шостаковичу не хватило красок для этого. Они требовали от меня чего-то типа увертюры Чайковского "1812 год", и позднее сравнение моей музыки с этой увертюрой стало популярным доводом, естественно, не в мою пользу. Когда была исполнена 8-я, её открыто объявили контрреволюционной и антисоветской. Почему, говорили они, Шостакович написал оптимистичную симфонию в начале войны, а сейчас трагичную? В начале войны мы отступали, а сейчас наступаем, громим фашистов. А Шостакович разводит трагедию - значит, он за фашистов".'

Спрашивается: КТО всё это говорил? Хренников? Где? когда? кому? Даже самые яростные обличители Хренникова не могут привести ни одной компрометирующей его цитаты ДО пресловутого доклада на пленуме 1948 года. Очевидно, весь этот бред всё-таки принадлежал не ему...

Двумя страницами ниже: "Волкодавы подросли и обнажали клыки. Наши волкодавы упустили свою долю мяса. Никто за рубежом не требовал хренниковских сочинений или сочинений Коваля или Михаила Чулаки. Поступали заказы на произведения других композиторов. Ужасная несправедливость. Они думали, что покончили с формализмом, - и вот он поднимает свою мерзкую голову. Разочарованная группа забросала Сталина петициями, подписанными лично и коллективно".

Задумаемся: вероятность того, что Шостакович сам видел такие

петиции, адресованные Сталину, равна нулю, не так ли? С другой стороны, сейчас сталинские архивы открыты, и на поверхность выплыло много всякого; но, опять же: до 1948 года - никаких компрометирующих свидетельств о Хренникове!

Теперь мы подошли, наконец, к первому в книге эпизоду, связанному с Тихоном Николаевичем, непосредственным свидетелем которого был Шостакович:

"Хренников, обрадованный историческим постановлением, решил, что моя песенка спета и мне конец. Мои оперы и балеты не ставились. Мои симфонии и камерная музыка были запрещены. Теперь единственное, что ему оставалось сделать, это выжать меня из кино, и тогда мой конец близок. И Хренников со своими приятелями активно приближали мой конец. Я не говорил бы этого с такой уверенностью, если бы не узнал об этом случайно. Я не люблю сплетен, и когда мне начинают рассказывать, кто про меня что сказал, я обычно стараюсь прекратить такой разговор. Мне рассказывали о шагах, которые Хренников предпринимал для того, чтобы меня ликвидировали. Я не верю этим историям".

Здесь я не могу не прервать на мгновение цитату, чтобы заметить: абсолютно правильно! но почему же Шостакович поверил тому московскому музыковеду и другим?!

"Но однажды я стал свидетелем весьма интересного разговора.

Вот что произошло. Хренников вызвал меня в Союз композиторов по какому-то делу. Я пришёл, и мы стали спокойно беседовать. Вдруг зазвонил телефон. Хренников по переговорному устройству сказал своей секретарше: "Я Вам сказал, чтобы Вы нам не мешали!". Но её ответ поверг нашего наследственного приказчика в дрожь. Он так разволновался, что вскочил и стал ждать звонившего, почтительно держа трубку. Наконец товарища Хренникова соединили. Это звонил Сталин. Такие совпадения действительно случаются в жизни. А именно: Сталин звонил по поводу меня, и Хренников был в таком замешательстве, что забыл выпроводить меня из своего кабинета, и я слышал весь разговор.

<...> Ситуация была следующая. Когда Хренников узнал, что мне заказали написать музыку к нескольким важным фильмам, он написал жалобу в ЦК. Он не понял, что жалуется Сталину на Сталина. И теперь Сталин давал ему это понять. Хренников поперхнулся и попытался сказать что-то в своё оправдание. Но какое тут могло быть оправдание - понятное дело, он признал, что был неправ".

Обратим внимание на то, что Шостакович слышал не весь разговор, а только половину (то, что говорил Хренников), и потому мог неправильно понять его общий смысл. Но даже если допустить, что Шостакович всё понял правильно и что Хренников действительно совершил нехороший поступок (а кто из нас никогда таковых не

совершал?) и попытался лишить Шостаковича участия в работе над этими несчастными фильмами, надеясь получить эту работу сам... учитывая то, что зачитать на пленуме доклад, клеймящий Шостаковича и других, Хренников был вынужден, а всё, что рассказывал Шостакович о Хренникове до того, НЕ ПОДТВЕРЖДЕНО, - должны ли читатели шостаковичевских воспоминаний истолковывать поступок Хренникова так же, как и автор: что Хренников хотел выжить его из "последнего прибежища" и погубить?

Переворачиваем страницу и читаем второй рассказ о Хренникове, не являющийся пересказом услышанного от других, - о действиях и публичных высказываниях Тихона Николаевича после резолюции ЦК 1958 года "Об исправлении ошибок в оценке опер 'Великая дружба', 'Богдан Хмельницкий' и 'От всего сердца' ":

"Хренников сперва был ошарашен, но быстро приспособился. Ничего ужасного не произошло, но на всякий случай он уволил главного редактора "Советской музыки" за ревизионизм. Ревизионизм стал новым ругательством, пришедшим на смену формализму. Ревизионизм означал, что редактор пытался писать о моих и прокофьевских сочинениях в более вежливой манере. Хренников быстро перегруппировался и начал контрнаступление. Партия ещё раз безоговорочно утверждает, что историческая резолюция об опере "Великая дружба"... и т. д. и т. д.

<...> "Партия раз и навсегда выбила почву из-под ног ревизионистов", - радостно объявил Хренников".

Упоминание Шостаковича о главреде "Советской музыки" сопровождается сноской: "Имеется в виду музыковед Георгий Никитич Хубов (род. 1902)".

Как говорится, понятно... что ничего не понятно. Не изменяет ли здесь Шостаковичу память (что, как он сам оговорил в начале воспоминаний, более чем возможно)? Ведь даже до постановления "Об исправлении ошибок..." и о Шостаковиче, и о Прокофьеве в советской прессе уже писали не просто "более вежливо", а очень даже хорошо! С другой стороны, согласно воспоминаниям близкого друга Шостаковича Исаака Гликмана, Хубов был одним из тех, кого во второй половине 1950 годов направили к Шостаковичу домой прослушать его оперу "Катерина Измайлова" (новый вариант "заклеймённой" и запрещённой за два десятка лет до того "Леди Макбет Мценского уезда") и вынести вердикт, можно ли её ставить или нет (двумя другими "направленными" были Кабалевский и Чулаки), и после того, как Шостакович сыграл им оперу, они стали поносить её на чём свет стоит, говорить, что напечатанную в "Правде" после премьеры "Леди Макбет" статью "Сумбур вместо музыки", в которой оперу и её автора обвиняли во всех смертных грехах, никто не отменял и т. д., - причём особенно усердствовали Хубов с Кабалевским! И наконец: какую контратаку мог повести на Шостаковича Хренников после постановления ЦК, в

котором Шостаковича официально "реабилитировали"?! Против ЦК, против власти?!

Следующее упоминание о Хренникове в шостаковичевском "Свидетельстве" - это даже не воспоминание и не размышление Шостаковича, а просто предположение, причём Шостакович даже не счёл нужным назвать здесь имя Хренникова - оно упомянуто в сноске. Рассказывая о том, что при Сталине "незаменимых у нас не было", Шостакович говорит:

"Эти мысли преследовали меня довольно часто в связи с моей 4-й симфонией. Всё-таки в течение 25-ти лет её никто не слышал, и у меня была рукопись. Если бы я исчез, власти отдали бы её кому-нибудь за "усердие". Я даже знаю, кто бы это был, и вместо моей 4-й она стала бы 2-й симфонией другого композитора".

Сноска: "Имеется в виду Тихон Хренников".

Да, после всех рассказов многочисленных "музыковедов", спущенного сверху и зачитанного Тихоном Николаевичем доклада и инцидента с фильмами, такие мысли преследовали несчастного Шостаковича. Но нужно ли объяснять, что из этого нельзя делать выводов о личности Хренникова?! Кроме того, не забудем: Хренников начал писать свою собственную 2-ю симфонию ещё в 1940 году, и в самом начале 1943 года она была впервые исполнена. За какие же, собственно, заслуги перед властью Хренникову могли отдать 4-ю симфонию Шостаковича уже в начале 1940 годов?! Шостаковичу, как и любому мемуаристу, простительно ошибаться (тем более, когда он сам предваряет свои воспоминания оговоркой о неизбежных в любом свидетельстве неточностях) - но разве позволительно читателям слепо принимать на веру всё подряд, даже не удосуживаясь проверить всем доступные факты?

(Кстати: не знаю, приходило ли когда-нибудь кому-либо на ум сравнить мелодические ходы начала первой темы Финала 4-ой симфонии Шостаковича и побочной партии 1-й части хренниковской 2-й симфонии . . . Совпадение? или, может быть, молодой Тихон Николаевич знал запрещенный шостаковичевский шедевр и был под его влиянием?)

И, наконец, последний рассказ Шостаковича в связи с Хренниковым. Далее несколько абзацев цитирую по оригиналу, фрагменты из которого опубликованы на сайте <http://www.uic.unn.ru/~bis/d-mayak.html>

"Многих, многих тянуло поближе к великому садовнику и корифею наук. Ходят лакейские легенды о том, что, якобы, Сталин обладал какой-то особой магической силой, и будто бы эта сила проявлялась в личном общении. Я сам слышал несколько таких историй. Это постыдные истории. И самое постыдное, что человек рассказывал сам о себе. Один случай кинорежиссёр рассказал. Не

буду здесь называть его фамилию, он человек неплохой. Много раз давал мне работу..." - и затем Шостакович рассказывает о том, как этого режиссёра пригласили на просмотр одного из его фильмов к Сталину и во время просмотра Сталин, сидевший позади режиссёра, вдруг громко сказал: "Что это за чушь?". У режиссёра потемнело в глазах, он наделал в штаны и потерял сознание. Потом ему объяснили, что слова Сталина относились не к фильму, а к депеше, которую как раз в тот момент ему поднёс Поскрёбышев (чего режиссёр, сидевший к Сталину спиной, не видел).

Далее Шостакович рассказывает другую историю: "...Назову героя по имени. Он ведь, случилось тоже мою фамилию называл. В различных докладах и статейках. Не говоря уж о многочисленных рапортах по начальству. В магазинах у нас висят вдохновенные плакаты: "Покупатель и продавец, будьте взаимно вежливы". Вдохновлённый этими замечательными плакатами, буду вежлив. Я буду как покупатель, а он будет как продавец. Речь идёт о Тихоне Хренникове, руководителе Союза композиторов. А значит, и моём руководителе. Почему же я покупатель, а он продавец? Ну, во-первых, продавец у нас всегда главнее покупателя. От продавца вечно слышишь: "Вас много, а я один". Так и с Хренниковым. Нас, композиторов много, а он - один. Конечно, таких поискать. А во-вторых, у Хренникова отец был приказчик. В лавке у какого-то богатого купчины подвизался. По этой причине наш бессменный руководитель себя в анкетах именовал "сыном работника прилавка". Думаю, именно это обстоятельство и сыграло роль, когда Сталин выбирал "челаэка", чтобы назначить этого "челаэка" руководителем Союза композиторов. Сначала Сталин, как мне известно, [опять же: ОТ КОГО?! - Е.К.] изучил анкеты кандидатов в руководители. Потом велел принести их фото. Разложил фото на столе. И, подумав, ткнул пальцем в изображение Хренникова: "этот". И не ошибся. Удивительное чутьё было у Сталина на подобных людей. "Рыбак рыбака видит издалека".

Не могу не остановиться и не напомнить, что упоминаемый Шостаковичем отец Хренникова (так же как и двое братьев) был в 1930 годах репрессирован. Наверняка, именно поэтому Хренников называл себя в анкетах "сыном работника прилавка" - чтобы показать, что происходит из семьи "социально близких". Может быть, это и явилось одной из причин сталинского выбора (вождь мог полагать, что, если у человека репрессированы ближайшие родственники, то тем больше он будет бояться и тем усерднее служить)?

Продолжаю цитату:

"Один раз мне на глаза попало замечательное высказывание вождя и учителя. Я его тогда же для памяти выписал. Оно точно характеризует Хренникова. У меня даже такое создалось впечатление, что Сталин это именно про Хренникова и писал. "В рядах одной части коммунистов всё ещё царит высокомерное, пренебрежительное отношение к торговле вообще, к советской торговле в частности. Эти, с

позволения сказать, коммунисты рассматривают советскую торговлю, как второстепенное, нестоящее дело, а работников торговли - как конченных людей. Эти люди не понимают, советская торговля есть наше, родное, большевистское дело, а работники торговли, в том числе работники прилавка, если только они работают честно - являются проводниками нашего, революционного, большевистского дела". Вот таким проводником "нашего дела" (Сталин любил говорить о себе во множественном числе) и оказался "наш" потомственный работник прилавка. История с Хренниковым тоже весьма примечательная, такова. Хренников, как руководитель Союза композиторов, должен был представлять Сталину кандидатуры композиторов, отобранные для присуждения ежегодных Сталинских премий. За Сталиным оставалось последнее слово...".

Здесь фрагмент, опубликованный на вышеуказанном сайте, обрывается, и далее до конца обратный перевод с английского мой; но прежде чем продолжить, я хотел бы, в связи с только что процитированным, задаться вопросом: если Хренников, с одной стороны, действительно так ненавидел Шостаковича и активно пытался "приблизить его конец", как казалось Дмитрию Дмитриевичу, а с другой - именно он должен был представлять Сталину кандидатуры композиторов на Сталинскую премию, то как же объяснить тот факт, что Шостакович получил вышеупомянутую премию в 1950 и 1952 годах (а Прокофьев, кстати, в 1951 - это к сведению тех, кто считает Тихона Николаевича "гонителем Прокофьева")?!"

...и это он [Сталин - Е.К.] выбирал имена из списка. Это происходило в его кабинете. Сталин работал или делал вид, что работает. Во всяком случае, писал. Хренников оптимистичным тоном бормотал имена из списка. Сталин писал, не поднимая глаз. Хренников закончил читать. Молчание. Вдруг Сталин поднял голову и уставился на Хренникова. Как говорится, положил на него глаз. Говорят, Сталин этот приём очень хорошо отработал. Во всяком случае, наследственный работник прилавка почувствовал под собой тёплую массу, что его ещё больше испугало. Он вскочил и, бормоча что-то, попятился к двери. "Наш" администратор допятился до приёмной, где его подхватили два дюжих санитара, которые были специально обучены и знали, что нужно делать. Они унесли Хренникова в специальную комнату, где его раздели, почистили и посадили на кроватку перевести дух. В это же время почистили его брюки. Всё-таки он администратор. Это была рутинная операция. Мнение Сталина относительно кандидатов на Сталинскую премию было ему передано позднее.

Как мы видим, герои обеих историй выглядят не очень хорошо. Оба наделали в штанишки, хотя оба, казалось бы, взрослые люди. И больше того, оба рассказывали о своём позоре с восторгом. Насрать в штаны на глазах у вождя и учителя - такое не каждому доступно; это своего рода честь, высшее наслаждение и высшая степень обожания. Какое низкое, отвратительное подхалимство. Из Сталина в этих

историях делают какого-то сверхчеловека. И я уверен, что они оба очень постарались, чтобы эти рассказы до него дошли, для того чтобы он оценил их подхалимское усердие, их страх и верность.

Сталину нравилось слышать такое о себе. Ему нравилось знать, что он вызывает такой страх у своей интеллигенции, у своих артистов. Всё-таки это режиссёры, писатели, композиторы, строители нового мира, нового человека. Как их Сталин называл? Инженеры человеческих душ.

Вы, может быть, скажете: зачем Вы дискредитируете достойных людей своими недостойными мелочными жалобами? Хотели бы мы знать, как бы Вы, такой-сякой, повели себя со Сталиным? Вы бы, наверное, хорошо наделали в штаны.

Отвечаю: я видел Сталина и разговаривал с ним. Я не наделал в штаны и не видел в нём никакой магической силы".

И снова у меня сам собой возникает вопрос, риторичность которого, на мой взгляд, очевидна: при таких отношениях, какие были у Шостаковича с Хренниковым (как явствует из обсуждаемой книги), - возможно ли, чтобы Тихон Николаевич рассказывал Дмитрию Дмитриевичу такое о себе, да ещё "с восторгом"?!

А что касается шостаковичевской оценки... При всей моей безмерной любви к Шостаковичу, при всём моём преклонении перед ним - не согласен, по совести не могу с ним согласиться! Причина реакции человеческого организма, о которой он рассказывает, - это не "высшая степень обожания", а элементарный страх. Тот самый страх, который, по его собственным словам (см. выше), был в то время обычным чувством у всех, - и сам Шостакович не избежал своей доли. Тот самый страх, из-за которого Шостакович в ответ на подлые и идиотические обвинения в его адрес "признавался" и каялся; из-за которого он написал "Песнь о лесах", Десять поэм на слова революционных поэтов, "Над Родиной нашей солнце сияет" и пр.; из-за которого уже после смерти Сталина, когда американский критик Г. Таубман написал статью под названием "Шостакович заслужил право на небольшую свободу", он дал публичную отповедь "клеветнику-антисоветчику"; из-за которого до конца жизни он произносил все речи и подписывал все письма, которые от него требовали. Согласно опубликованной в 1994 году книге Э. Уилсон "Shostakovich: a life remembered", в марте 1956 года Шостакович сказал Марине Сабининой о своём выступлении на пресловутом 1-м пленуме (здесь и далее обратный перевод с английского мой - Е.К.): "Я встал на трибуну и начал зачитывать вслух эту идиотскую, отвратительную чушь, состряпанную каким-то ничтожеством. Да, я унизился, я прочитал то, что приняли за "мою собственную" речь. Я читал, как самый ничтожный негодяй, паразит, марионетка, бумажная кукла на верёвочке!". А в октябре 1957 года, согласно той же книге, больной Шостакович, попросивший своего ученика Эдисона Денисова

остаться у него на ночь, всю ночь "вспоминал своё прошлое и всё время повторял одну и ту же фразу: 'Когда я думаю о своей жизни, то осознаю, что был трусом. К сожалению, я был трусом'. Потом он прибавил, что, если бы я видел то, что пришлось увидеть ему, то и я был бы трусом". И, наконец, та же Уилсон ссылается на Льва Лебединского, свидетельствующего, что Шостакович, когда его заставили вступить в КПСС (1960), сказал ему: "Я их боюсь до смерти. Вы не знаете всей правды. С детства я делал то, чего хотел НЕ делать. Я жалкий пьяница. Я был, есть и всегда буду шлюхой".

Да, так было. И НИКТО НЕ ВПРАВЕ ОСУЖДАТЬ ЗА ЭТО НИ ШОСТАКОВИЧА, НИ ХРЕННИКОВА, НИ КОГО БЫ ТО НИ БЫЛО.

...Закончить эту главу хочу коротким воспоминанием. Однажды Юрий Хатуевич Темирканов сказал мне, что очень хорошо относится к Хренникову и терпеть не может, когда его ругают. Поскольку Юрий Хатуевич в свое время немало общался с Шостаковичем (он мне рассказывал о нём), я спросил у него: "А как Вы считаете: книга, которую издал Волков, - это подлинные воспоминания Шостаковича или нет?". "Я думаю, что да," - ответил Темирканов, - "потому что как-то, ещё до того, как она была издана, мне на одном шведском острове дали почитать машинопись - и на каждой странице стояла подпись Шостаковича" (очевидно, Юрий Хатуевич немного перепутал: согласно Волкову, Шостакович поставил свою подпись не на каждой странице машинописи, а в конце каждой главы). "Скажите", - спросил я, - "а как Вы думаете... ведь Хренников в этих воспоминаниях выглядит очень плохо?" - "Да", - ответил мне Темирканов, - "Шостакович его воспринимал так, у них с Хренниковым не сложились отношения. Но объективно Хренников - замечательный человек. Ни один из членов Союза композиторов не был репрессирован - потому что их всех защищал Хренников. Он - замечательный человек", - повторил Юрий Хатуевич.

Обдумывая всё, что знаю, не могу с ним не согласиться.

4.

Как известно, ложь, повторяемая тысячу раз, не становится правдой, но чем больше повторяешь самую чудовищную ложь, тем больше людей начинают в нее верить. И входит эта ложь в подсознание, как индивидуальное, так и коллективное, и оседает там, и пускает корни ... и как же трудно потом ее оттуда выкорчевать!

Даю я интервью известному лондонскому музыкальному критику Норману Лебрехту. Рассказываю ему про то, что в своё время Хренников помог нашей семье получить новую - лучшую - квартиру. Смотрит Лебрехт на меня, как баран на новые ворота, и спрашивает: "А почему он это сделал?". Ну, объясняю, что понравилось Тихону Николаевичу, как я играю, и захотел человек мне помочь. Через несколько недель читаю в статье Лебрехта: "Сталинский аппаратчик

помог семье Кисиных...". Ну, что ты будешь делать?!

Разговариваю с одним французом из музыкального бизнеса. Всплывает в разговоре имя Хренникова. "Да-да", - подхватывает мой собеседник, - "я как раз недавно смотрел по телеканалу ARTE фильм, где о нём много говорилось, рассказывалось про всё, что он сделал..." - и дальше выясняется, что говорилось всё та же набившая оскомину дребедень: сталинист, травитель Прокофьева-Шостаковича и пр. "Я", - отвечаю ему, - "Хренникова лично хорошо знаю - и он замечательный человек! Он очень много добра сделал, очень многим людям помог!". Месье совершенно ошарашен: "Но ведь, кажется, его отношения с Шостаковичем были не такие хорошие?". "Возможно", - отвечаю, - "и что из того? Вы много знаете людей, у которых со всеми были бы хорошие отношения?". На сём разговор закончился.

Вскоре после того, как Тихона Николаевича не стало, представительница моего менеджмента в Нью-Йорке сообщила мне, что корреспондент газеты "Бостон Глоуб" пишет статью о Хренникове и хотел бы поговорить о нём со мной. С удовольствием, отвечаю, пускай завтра же позвонит. Позвонил на следующий день милый молодой человек, сказал, что хочет постараться объективно осветить личность Хренникова и потому берёт интервью у многих людей, знавших его. Поговорили мы с ним как минимум полчаса; правда, весь наш разговор отразился лишь в одном предложении в его статье: "Российский пианист Евгений Кисин твёрдо защищал репутацию Хренникова, рассказывая, как он благодарен ему не только за то, что тот помог карьере Кисина, но и за то, что помог его семье получить новую квартиру недалеко от центра Москвы - до того они жили на окраине. ". Рассказал я подробно о моём знакомстве с Тихоном Николаевичем, обо всём, что он для меня сделал. Начал меня журналист спрашивать, что я думаю по поводу прокофьевско-шостаковичевских дел. Я ответил: вроде бы, даже дети знают, что о людях надо судить не по словам, а по делам. Вот российские сталинисты - судят о своём кумире не по документам, свидетельствующим о его преступлениях, не по воспоминаниям приближённых к нему людей, а по тому, что он говорил в своих публичных речах и писал в статьях. Так же и с Хренниковым, только с обратным знаком: на основании его речей (которые он и не сам писал) утверждают, что он травил Прокофьева и Шостаковича. Но ведь в таком случае получается, что Прокофьев с Шостаковичем сами себя травил: они же "признавались" и каялись! А кроме речей - есть ли какие-нибудь факты, свидетельствующие, что Хренников "действием" и по собственной инициативе травил этих великих композиторов? Мне о таковых ничего не известно - зато знаю, что Хренников очень многим людям бескорыстно помог, даже рискуя при этом собственным благополучием, если не ещё бóльшим (когда евреям помогал в последние годы жизни Сталина). Тут мне корреспондент не возражал, и потом написал в своей статье такую фразу: "Даже самые суровые критики Хренникова признают, что вряд ли он мог отказаться от поста главы Союза композиторов, когда его назначил на этот пост сам Сталин, и что, наверное, он не сам писал

свои ранние речи".. Мда-а-а... Как сказал один американский публицист, "если факты - вещь упрямая, то логика просто мстительна по отношению к тем, кто её игнорирует". Конечно, "самые суровые критики" вынуждены вставлять здесь такие словечки, как "вряд ли" и "наверное", - ведь если не мог отказаться от назначения и сам не писал своих речей, то логический вывод из этого следует только один: НЕ В ЧЕМ ХРЕННИКОВА ОБВИНЯТЬ! НЕ В ЧЕМ!

Тогда бостонский критик говорит мне: "Но Хренникова обвиняют также и в том, что он в 70-е - 80-е годы притеснял авангардистов: Шнитке и других. Вы об этом знали, когда жили в России?". Я сказал, что не знал; потом, уже после интервью, вспомнил, что кое-что уже знал в те годы, и послал своё воспоминание "вдогонку" по электронной почте - однако содержание моего письма не нашло отражение в статье, напечатанной в "Бостон Глоуб", поэтому расскажу здесь.

Но прежде - пояснение сути дела. Обвинение в адрес Тихона Николаевича звучит так: он публично критиковал авангардистов, поэтому у них были проблемы. Хренников отвечает: каждый человек имеет право на собственное мнение, я высказывал своё. Обвинители говорят: но ведь он был главой Союза композиторов, поэтому его мнения, высказываемые публично, не могли не отражаться на судьбе тех, кого он подвергал критике.

Тут я не могу не привести фрагмента из книги Войновича "Портрет на фоне мифа":

"Году в 67-м я познакомился с начинающим драматургом, который изредка меня навещал, приносил свои пьесы и хотел знать моё мнение. Моё мнение было отрицательное. Пьесы, как мне казалось, были подражательные (под Ионеско или Беккета), заумные и беспомощные. Через какое-то время молодой человек был арестован за опубликованную на Западе брошюру, в которой он предрекал скорый распад Советского Союза. Прошло ещё время, и вдруг меня вызывают в прокуратуру (а не в КГБ) к следователю Каратаеву <...> Пришёл. <...> Каратаев, играя в простоватого парнишку, спрашивает, знаю ли я такого человека? Знаю. А читал ли брошюру? Не читал. <...> А вы знакомы с его пьесами? - спрашивает "добряк" Каратаев. Знаком. И что вы о них думаете? И тут я стал в тупик. Сказать, что пьесы хорошие, у меня язык не поворачивается, тем более что я их даже не помню. Сказать правду, что они плохие, я тоже не могу, потому что любое плохое мнение об "их" жертве будет "им" на руку. Я об этих пьесах ничего не думаю, потому что я их не понимаю. Как не понимаете? Ну так, не понимаю. Они написаны в чуждой мне манере. Что это значит? Ну, в манере, которая мне не понятна, не близка. Это что-то абстрактное, а я скорей всего реалист. Можете это записать? Могу. Я записал: приходил такой-то, давал читать пьесы, написанные в чуждой мне манере. И расписался. <...> А потом угрызался. Как же это я написал "в чуждой манере"? Это ведь негативная оценка. Но

имею ли я право говорить то, что думаю? " (Далее поясняется, что речь идёт об Андрее Амальрике).

И в самом деле: имеет ли право человек говорить то, что думает?

(Кстати: в то время для того, чтобы критически относиться к музыке авангардистов, совершенно необязательно было быть таким уж "зубром". Уже после того, как эти воспоминания были вчерне написаны, я стал перечитывать замечательную книжку афоризмов ныне покойного профессора Ленинградской консерватории Натана Перельмана "В классе рояля" (издание 4-е, дополненное, 1986 г.) - и увидел: "Фортепианную шепелявость, развивающуюся от чрезмерного увлечения орнитологическими опусами Мессиаана и изощрёнными невнятистями авангардистов, хорошо излечивают гениальные ясности Прокофьева".)

Конечно, можно сказать: не следовало Хренникову в его положении так отзываться публично о ком бы то ни было, потому что в то время это создавало для людей проблемы. Можно так сказать, безусловно. Но для более полной картины хотелось бы мне вспомнить вот что (именно об этом я и написал бостонскому журналисту после нашего интервью).

В 1990 году одна из бывших "хренниковских жертв" Эдисон Денисов стал руководителем Союза композиторов РСФСР. Вскоре после этого он дал интервью журналу "Огонёк", в котором, среди прочего, сказал следующее (здесь и далее цитирую по памяти):

"Алексей Рыбников - очень милый человек, но, да простит он мне, ничего не понимает в музыке. <...> Он - человек непрофессиональный в области композиции, и пишет не музыку, а провинциальные коммерческие подделки".

Очаровательно, правда?

Затем Денисов заявил, что "нет никакого 'третьего направления'", что его представители тоже непрофессионалы, и то, что они пишут, - не музыка...

Помню, Микаэл Таривердиев ответил тогда на всё это статьёй в малотиражной газете Союза композиторов. Он писал: "Говорят, что власть развращает человека. Но я всегда думал, что для этого требуются годы. Денисову понадобилось несколько месяцев. <...> Хренников в подобных случаях всегда выражался аккуратнее. <...> Может быть, стоит предпочесть старого [руководителя]?".

А вот как отреагировал на денисовские высказывания первый в Советском Союзе публичный критик Хренникова Владимир Дашкевич (если не ошибаюсь, всё в той же "Советской культуре"):

"Интервью Денисова журналу "Огонёк" было выдержано в "необольшевистском" духе. Оно было полно неуважения и нетерпимости к коллегам, а по отношению к прекрасному композитору Рыбникову - просто оскорбительным".

Не могу не согласиться - и думаю сейчас: интересно, а как бы кое-кто из "хренниковских жертв" себя проявил, оказавшись на его посту при Сталине-Хрущёве-Брежневеве?

Да и вообще: много ли на свете людей, к которым ни один другой человек не имел бы никаких претензий? Вот, например, Уствольская всю жизнь была обижена на Шостаковича за то, что он, хоть и ценил её как композитора (об этом говорит тот факт, что он использовал цитату из её трио в своей Альтовой сонате), но ни разу ничем не помог ей, когда она нуждалась в помощи. Ах, как нехорошо! Ну, так что же, будем из-за этого считать Шостаковича плохим человеком?

А вот, что я ещё знаю о Хренникове.

Одна моя старая приятельница, проработавшая в своё время много лет в Школе имени Прокофьева, как-то рассказала мне о Тихоне Николаевиче: "Он нам [т. е., школе] кирпича достал".

Старая подруга Анны Павловны, педагог фортепиано, покойная Людмила Николаевна Луковникова рассказывала, что школа, в которой она работала, тоже нуждалась в чём-то. Обратились за помощью к одному высокопоставленному и очень известному в Советском Союзе композитору (не стану называть его фамилии) - "это человек, который в своей жизни никому вот столько добра не сделал! он только вещает!". Обратились к Тихону Николаевичу: "Хрен всё сделал!".

Внучка Соломона Хромченко Надежда рассказывала мне, что её дед, в течение нескольких десятилетий бывший звездой Большого театра, всю жизнь был уверен: ему так и не дали звание Народного артиста из-за того, что в своё время, в самом начале своей карьеры, он ответил отказом на предложение поменять своё имя на "Семён". И вот как-то, уже в 1970 годах, звонит ему Хренников: "Соломон! Я пишу Брежневу: пора уже тебе "Народного" дать!". Соломон Маркович совершенно обалдел: "Какому Брежневу?" - "Как какому? Один Брежнев у нас!". Но вот из этой затеи Тихона Николаевича, к сожалению, ничего не вышло: в данном случае зоологический антисемитизм советских вождей оказался сильнее хренниковских доброты и разума...

А вот что мне написала о Хренникове в личном письме пианистка Нина Лельчук:

"Мы с Хренниковым познакомились, когда я была студенткой Флиера в Московской консерватории. Яков Владимирович жил в

кооперативе Союза композиторов, а в соседнем подъезде находился офис Тихона Николаевича. Мы встречались, когда я шла на урок или с урока. Т.Н. всегда был очень приветлив, улыбался, интересовался моими успехами. Он знал мою игру, т.к. слышал не раз на студенческих концертах и открытых, когда я исполняла свой репертуар, а также сочинения его учеников. Однажды он заметил, что я расстроена и спросил, в чём дело. Я ответила, что прошла на конкурс в Париже. Но программа вся новая, необыгранная, а главное - я никогда не играла 2-го концерта Рахманинова с оркестром. Гастрольбюро отказалось организовывать концерты, т.к. у меня нет права на сольный концерт, утверждённого Министерством Культуры. Для этого необходимо играть для худсовета министерства, который определит мою категорию. Их было 3: высшая, первая и обычная. На это нужно было потратить уйму времени, ходить по инстанциям, добиваться прослушивания, на которое стояла большая очередь. Т.Н. удивился: "Что за ерунда? Какие ещё прослушивания, когда человека само Министерство направляет на международный конкурс? Не огорчайся. Я попробую уладить". Буквально через неделю мне сообщили, что мне установлена концертная ставка высшей категории с правом на сольный концерт. А позже гастрольбюро включило меня в план, и я получила несколько сольных концертов и с оркестром. Я немедленно позвонила Т.Н. чтобы поблагодарить за всё от себя и моих родителей, а он ответил: "Ну, я ничего такого не сделал. Ты получила то, что тебе положено". Вот так. Сколько, я помню, он писал разных писем в "Собез", рекомендаций на работу, получение квартир, званий (в частности, для Льва Власенко, скрипачки Лили Бруштейн, композитора Тищенко). Когда скончался Флиер, Новодевичье кладбище было закрыто, т.к. переполнено. Кабалевский вместе с Хренниковым "пробили" это. Тихон много звонил, хлопотал, и в итоге Якова Владимировича похоронили там".

Рассказывает
(<http://mielofon.ru/film/music/>):

Евгений

Крылатов

"Самое отчаянное время - после окончания Консерватории. У нас с женой не было прописки и жилья, мы обременяли знакомых, снимали углы. Когда родился сын, отдали его на 3 года моей маме. Потом мама нашла знакомую в Вешняках Московской области. При встрече эта женщина сказала: "Какой хорошенький мальчик! Такой не обманет". И прописала меня у себя за 10 рублей в месяц. А вскоре вышел указ о расширении города Москвы, и я стал москвичом, но без жилплощади. Снова - частные квартиры, печное отопление, удобства на улице. К тому же мы ждали второго ребёнка. И произошло чудо: Тихон Николаевич Хренников помог мне получить квартиру в столице. В 1965-м мы переехали в Тушино. Это был первый вздох облегчения: я перестал бояться милиции. А до этого чувствовал себя изгоем, всё думал, донесут в участок...".

А вот, что рассказывает о Хренникове супруга Крылатова

Севиля Сабитовна в связи со своим братом Алемдаром Карамановым:

"Всего было восемь показов [карамановской драматории "В.И. Ленин" по поэме Маяковского - Е.К.] - и все были отвергнуты. При показе в Московской филармонии на предмет исполнения Алемдару было сказано: "Нам такой Ленин не нужен". При первом показе на радио комиссия заглянула в партитуру и возмутилась: "Как! Ленин и саксофоны!" При втором показе на радио режиссёры предложили выбросить 1-ю и 3-ю части, а из второй сделать радиопостановку, раздробив на кусочки, а на вопрос Алемдара о сроках исполнения ответили, что придётся подождать лет десять. Безуспешными оказались и показы драматории на предмет покупки в двух министерствах культуры - РСФСР и СССР <...> Через несколько лет, в 1963 году, драматорию услышал и сразу горячо одобрил Тихон Николаевич Хренников, класс которого Алемдар посещал, будучи аспирантом. Ещё через шесть лет, в 1969 году, партитуру приобрело министерство культуры РСФСР - только благодаря мощной протекции Т.Н. Хренникова.<...> Васильев [художественный руководитель и директор Государственного симфонического оркестра кинематографии - Е.К.] объявил, что нравственный облик Караманова аморален, он религиозен, посещает церковь, кроме того, он пьяница и хулиган, и по этим причинам исполнение его симфонии в Большом зале недопустимо. <...> я, чтобы спасти положение, набравшись смелости, записалась на приём к Первому секретарю Союза композиторов СССР Тихону Николаевичу Хренникову. <...> Тихон Николаевич Хренников встретил меня очень любезно, очень дружелюбно, внимательно выслушал <...> В моей жизни это была первая, очень приятная и очень памятная встреча с государственным деятелем такого масштаба, и у меня осталось отчётливое ощущение именно государственного подхода Т.Н. Хренникова к разрешению проблемы с исполнением драматории. Т.Н. Хренников пообещал переговорить с Васильевым, и буквально через день было получено его согласие на включение драматории в тематический план".

..."Умру я. Положат люди на весы дела мои. На одну чашу - дела худые, на другую - добрые. И добро перетянет"? - сказал как-то Хрущёв. В отношении Хрущёва, на мой взгляд, вопрос непростой; наверное, только в России может возникнуть такая дилемма: что "перетягивает" - освобождение из лагерей и реабилитация миллионов людей или убийства тысяч (расстрелы демонстраций в Тбилиси и Новочеркасске, придание новому закону обратной силы и расстрел "валютчиков")? Но что касается Тихона Николаевича Хренникова... какими бы ни были его отношения с Шостаковичем, Шнитке и другими - он ведь не просто бескорыстно помогал десяткам людей, но некоторым из них (вспомним свидетельства Мееровича и Мильмана!) СПАС ЖИЗНЬ! Не будучи приверженцем ортодоксального иудаизма, я, однако, не могу не соглашаться всеми фибрами души с иудейской мудростью: "Спасаящий человеческую жизнь спасает весь мир".

В этой статье я рассказал о том, что знаю. Мои знания и

возможности, разумеется, ограничены. Найдутся ли люди, которые по крупицам соберут все доступные сведения о Хренникове и не в форме газетной статьи, как это прекрасно сделал Лев Гинзбург ("Российская газета", 24 августа 2007 года), а в форме обстоятельной книги напишут о Тихоне Николаевиче "портрет на фоне мифа" (только с противоположным знаком, нежели войновичевский портрет Солженицына)?..

...В свободное время мы с друзьями любим собираться вместе и петь песни нашего прошлого, нашего детства и юности (я при этом, как правило, выступаю в роли аккомпаниатора). Среди прочих незабвенных песен, в нашем репертуаре - любимые миллионами людей нескольких поколений "Московские окна". Думаю, что если бы даже Хренников не написал ничего, кроме этой дивной песни, его имя вошло бы в историю. Вспомним же - и споём про себя или вслух тихонько: "Он мне дорог с давних лет, и его яснее нет, московских окон негасимый свет..."

...Светлая память Вам, дорогой Тихон Николаевич!